

Добро и зло

добро и зло. Противопоставление Д. и з. играет важную роль в дуалистических мифах, где каждый из персонажей и символов относится либо к положительному ряду как носитель добра, либо к отрицательному ряду как воплощение злого начала.

В частности, в дуалистических близнецных мифах один из божественных близнецов может быть воплощением добра, другой — зла (соответственно Тавискарон и Иоскеха у ирокезов и гуронов и др.). Однако значительно чаще Д. и з., хотя и выделяются как основные смысловые понятия, прямых названий внутри мифологической системы не имеют (иногда по причинам табуистического характера): в частности, для обозначения зла употребляется символ «левой стороны», обычно соотносимой со злом (см.

Левый и правый). В отличие от архаических дуалистических мифологий, более развитые мифологии Ближнего Востока, например хаттская и хеттская, различают «добро, благо» и «плохое, зло», связанное с «тёмной землёй» («нижним миром»); целью особого обряда становится избавление человека от «зла» и различных его мифологических и ритуальных воплощений (злого языка, злого глаза и т. п.).

Противопоставление Д. и з. свойственно и дуалистической мифологии Древнего Египта. В поздней египетской сказке о правде и кривде (1-е тысячелетие до н. э.) воплощение зла кривда ослепляет своего старшего брата — правду, воплощающего добро; в сказке кривде помогает девятирица богов.

Аналогичная сказка о двух братьях известна в хеттской литературе с середины 2-го тысячелетия до н. э. (в переводе с хурритского, см. Аппу).

Мотив соперничества или состязания правды и кривды имеется также в древнеиндийской традиции и со временем становится распространённым литературным сюжетом (возможно, к нему восходит и аналогичный мотив в древнерусской «Голубиной книге», хотя противопоставление правды и кривды, корнящееся в самих истоках славянской дуалистической мифологии, могло получить литературную обработку и

независимо от позднейших восточных влияний). В гомеровском эпосе и в «Авесте» носители злых и добрых намерений обозначаются одинаковыми словами (греч. *δυσμενής*, «злонамеренный», др.-инд. *dur-manas*, авест. *duž. manah*, «злое побуждение духа» и греч. *εὐμενής*, микено-греч. *e-u-me-ne*, «благомыслящий», авест. *hu. manah*, «доброе побуждение духа»), что позволяет говорить об очень древних истоках того противопоставления Д. и з., которое позднее в «Авесте» переосмыслено в духе зороастрийского дуализма, а в ранней греческой традиции отразилось во включении оппозиции хорошего и плохого в число основных противоположностей у пифагорейцев.

Развитые религиозно-философские системы характеризует понимание Д. и з. как нравственных категорий, определяющих поведение человека, не связанных с воздействием на него различных мифологических сил или состоянием ритуальной чистоты или осквернённости. Но и в этот период возможно распространение дуалистических систем, в которых (например, в манихействе, у богомилов) наряду с воплощением доброго начала (богом) предполагается также и наличие отдельного воплощения зла (сатаны, Люцифера и т. п.).

Этот мотив как чисто литературный находит продолжение в культуре нового времени, в частности в произведениях, построенных по типу египетской и хурритско-хеттской сказок о двух братьях («Мастер Балантре» Р. Л. Стивенсона), либо с героем, воплощающим в себе отдельные персонажи Д. и з. (его же «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда»). Литература: Douglas M., *Purity and danger...*, L., 1966; Klein M., *Our adult world and its roots in infancy*, L., 1960; Grava A., *Laspect métaphysique du Mal dans l'œuvre littéraire de Charles Baudelaire et d'Edgar Allan Poe*, Lincoln, 1956; его же, *A structural inquiry into the symbolic representation of ideas*, P.—The Hague, 1969; Otto R., *The idea of the holy*, Oxf., 1929.